

«ОБРАЗ ГОРОДА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ В ПРОЗЕ Ф.ДОСТОЕВСКОГО И М. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА » ГОРОД КАК ДУХОВНАЯ ТЮРЬМА И СИМВОЛ ОТЧУЖДЕНИЯ.

Хужамкулова Шахзода

студентка факультета языков, Самаркандский

государственный педагогический институт

xojamqulovashahzoda05@gmail.com

Научный руководитель: **Бахриева С.С.**

Аннотация. Данная статья посвящена сравнительному анализу образа города как ключевого художественного и философского элемента, отражающего социальную и духовную катастрофу в прозе двух великих русских реалистов XIX века: Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина. В центре внимания стоит концепция города не просто как декорации, а как активного, деформирующего героя, функционирующего как духовная тюрьма и символ отчуждения личности. В рамках исследования анализируется петербургский миф Достоевского как пространство нравственного распада, безумия и экзистенциального одиночества, где городская теснота (трущобы, грязные дворы-колодцы) порождает преступление и страдание ("Преступление и наказание", "Бедные люди"). Параллельно исследуется сатирический образ провинциального города Салтыкова-Щедрина ("Город Глупов"), который выступает как модель и аллегория всей российской государственности, застывшей в косности, произволе и абсурдном бюрократическом угнетении ("История одного города").

Ключевые слова: Образ города, социальная катастрофа, Ф.Достоевский, М.Салтыков-Щедрин, петербургский миф, город глупов, духовная тюрьма, отчуждение, психологическая катастрофа, сатира, реализм.

Литературный процесс второй половины XIX века в России ознаменовался глубочайшим интересом к урбанистической теме, где город перестал быть просто

нейтральной декорацией и превратился в активного участника драмы человеческого существования. В этот период, когда Российской империя переживала болезненный переход от феодального к капиталистическому укладу, крупные города, и прежде всего Петербург, стали эпицентрами социальных контрастов, нравственных кризисов и духовного отчуждения. Данная статья ставит целью провести компаративный анализ образа города в творчестве двух ведущих реалистов эпохи — Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина — с целью выявления, как их художественные методы отразили и диагностировали социальную катастрофу российского общества. При всем различии их жанровых подходов (психологический реализм против политической сатиры), оба автора сходятся в ключевом тезисе: город является духовной тюрьмой и символом отчуждения, активно деформирующим личность (5. 108). Достоевский использовал образ Петербурга для исследования нравственной патологии и экзистенциального тупика отдельного человека, тогда как Салтыков-Щедрин через сатирическую модель города Глупова обнажил политический абсурд и идиотизм государственной власти. Таким образом, сопоставление их урбанистических образов позволит не только глубже понять специфику русского реализма XIX века, но и продемонстрировать, что образ города стал мощным инструментом для социального пророчества и диагностики глубокого общественного недуга.

Учитывая методологическую сложность темы, требующей сопоставления психологического реализма Достоевского с сатирико-аллегорическим методом Салтыкова-Щедрина, особую значимость приобретает анализ хронотопа (единства времени и пространства) в их произведениях. Город у Достоевского — это "фантастический" хронотоп, где время спрессовано до нескольких лихорадочных дней, а пространство сжато до тесных углов и грязных лестниц, что напрямую провоцирует душевный кризис и преступление (например, в "Преступлении и наказании") (4. 47). Напротив, город Глупов у Салтыкова-Щедрина ("История одного города") существует в закольцованным, абсурдном историческом времени, где повторяемость и застой власти ведут к деградации общества и моральному оцепенению. Сопоставление этих двух хронотопов — лихорадочного (Достоевский)

и застойного (Салтыков-Щедрин) — позволит выявить два различных, но взаимосвязанных пути, по которым образ города был использован для художественного анализа катастрофического состояния русского национального сознания.

Образ города в русской литературе XIX века, в особенности в творчестве Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина, трансформировался из пассивного фона в мощный, активно действующий художественный субъект, отражающий и одновременно провоцирующий социальную и духовную катастрофу российского общества, тем самым выполняя функцию социального пророчества. Данный компаративный анализ сосредоточен на выявлении принципиальных различий между петербургским мифом Достоевского, являющимся эпицентром психологического и нравственного распада, и сатирическим образом Города Глупова Салтыкова-Щедрина, выступающим как аллегория политического застоя и абсурдного произвола власти.

Петербург Достоевского предстает как фантастический, инфернальный хронотоп — город, который, будучи самым "умышленным" и искусственным в мире, становится источником всех душевных патологий и функционирует как духовная тюрьма, где пространство сжато до абсурда. Достоевский доказывает, что городская среда — это материальное воплощение духовного тупика: физические параметры (желтые, иссушающие стены, низкие потолки, вонючие дворы-колодцы) напрямую коррелируют с психологическим давлением, провоцируя у героев лихорадочное состояние и нравственный кризис. Самым ярким примером является Раскольников, чья утопическая теория о "праве на кровь по совести" родилась именно в этой среде, в его каморке, "похожей на шкаф" (1. 540). Городская атмосфера, наполненная духотой, нищетой и "мерзостью" Сенной площади, не просто отражает бедность, но и активно провоцирует преступление и умножает грех, становясь соучастником падения человека. Отчуждение в этом контексте носит экзистенциальный характер: герой оторван от общества, от этики, от подлинной веры, а его "фантастическое" существование в Петербурге выступает как

непрерывное испытание души, которое, по замыслу писателя, должно привести к страданию и очищению. Достоевский аргументирует, что за парадным фасадом столицы скрывается нравственный ад, и эта двойственность города является ключевым элементом его пророчества.

В то же время, город Глупов у Салтыкова-Щедрина ("История одного города") строится на совершенно иной, аллегорической и историко-сатирической основе, но также приводит к отражению социальной катастрофы. Глупов — это универсальная модель политической катастрофы, где абсурд является системообразующим фактором, а город функционирует как механизм угнетения. Щедрин доказывает, что трагедия России заключается в заколдованный исторической инерции и хроническом идиотизме власти. Глуповский хронотоп — это застойный круг, где время закольцовано и лишено прогресса; история города — это вечное возвращение к глупости и деспотизму, о чем свидетельствует абсурдная смена градоначальников, чьи действия, от органчика до Угрюм-Бурчеева, лишь "делают глупости" (6. 56). Социальное отчуждение здесь возникает не из-за экзистенциальной тоски, а из-за тотального произвола и безнаказанности власти. Салтыков-Щедрин использует сатирический гротеск для обнажения того факта, что народ в Глупове добровольно принимает свой ужас как норму, что является высшей степенью социальной катастрофы — катастрофы национального сознания. Глупов, в отличие от Петербурга, является не тюрьмой для души, а тюрьмой для разума.

Сравнительный анализ двух этих моделей обнаруживает их общую функцию как индикаторов и катализаторов кризиса, несмотря на различия в методе. Достоевский, через образ Петербурга, диагностирует болезнь души в условиях капиталистического мегаполиса, сосредотачиваясь на индивидуальной трагедии отчуждения и бунта (7. 103). Салтыков-Щедрин, через Город Глупов, диагностирует болезнь государственности, показывая, как институциональный абсурд приводит к коллективному моральному оцепенению. Оба автора, используя радикально разные художественные средства (психологический символизм против политической сатиры), приходят к единому выводу: урбанистическое пространство в России XIX

века стало агрессивной средой, которая деформирует и подавляет человеческую личность и общественную структуру.

В Петербурге Достоевского гул и шум столицы — это не просто акустический фон, а метафора всеобщего безразличия и равнодушия. Этот постоянный, низкочастотный шум служит сенсорной пыткой для героя, усиливая его изоляцию; он заглушает голос совести и разума, но не заглушает "лихорадочный шепот" собственных идей. Герой, будь то чиновник или студент, отчаянно ищет тишины и уединения, но находит лишь углы и каморки, которые, вместо спасения, становятся очагами безумия. Город лишает человека права на покой и размышление, подталкивая его к импульсивным и катастрофическим действиям.

С другой стороны, в городе Глупове Салтыкова-Щедрина шум создается не жизнью, а властью. Здесь доминирует "шум указов" и "скрежет бюрократической машины", а не гул толпы. Этот шум — звуковое оформление абсурда. Щедрин доказывает, что отчуждение в Глупове порождено дефицитом информации и смысла. Примером служит эпизод с градоначальником, у которого в голове был орган (Органчик), издающий два звука — "Разорю!" и "Не потерплю!" (3. 220). Этот механический, бессмысленный шум власти стирает человеческую речь и диалог, заменяя их сигналом к повиновению. Население Глупова, приученное к такому механическому шуму, теряет способность к критическому мышлению, что является высшей степенью социального отчуждения. Особое место в концепции катастрофы занимает образ воды. В Петербурге вода (каналы, Нева) выступает как символ безысходности и возможной гибели. Это граница между миром живых и мертвых, а иногда и путь к очищению (идея самопожертвования). Но чаще всего, вода — грязная, мутная, отражающая болезненный, "фантастический" свет города. Эта влажная, холодная стихия усиливает ощущение нездоровья и "лихорадки", являясь соучастницей безумия города. Через образ воды Достоевский подчеркивает неорганическую, противоестественную природу столицы, которая была построена вопреки законам природы и логики (2. 7)

У Щедрина вода и грязь тоже играют роль, но в ином ключе. Грязь в городе Глупове — это материальная метафора застоя и косности. Это не столько стихия, сколько символ управляемого хаоса, который порождается некомпетентностью и ленью чиновников (8. 45). Город постоянно тонет в грязи, что отражает моральную и политическую нечистоплотность власти. Грязь становится физическим препятствием для прогресса и развития, демонстрируя, что катастрофа в Глупове носит хронический, бытовой характер, коренящийся в самой материи государственного управления.

Анализ пространственных деталей в прозе обоих писателей доказывает, что образ города стал сложным, многоуровневым символом. Достоевский, используя детали (желтые стены, шум, мутная вода), обнажает катастрофу души, спровоцированную отчуждением. Салтыков-Щедрин, через аллегорические детали (механический шум, застойная грязь, бессмысленная архитектура), разоблачает катастрофу государственности. Оба автора, каждый своим уникальным методом, оставили после себя литературную диагностику России XIX века, где город выступает как ключевой элемент пророчества о неизбежном кризисе, порожденном либо нравственным распадом, либо политическим абсурдом.

Итак, образ города в прозе Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина выходит далеко за рамки нейтральной декорации, становясь мощным, активно действующим художественным субъектом, отражающим и провоцирующим социальную и духовную катастрофу российского общества XIX века. При всех жанровых различиях (психологический реализм против политической сатиры), оба автора использовали урбанистическое пространство как ключевой инструмент для диагностики национального недуга. Две модели катастрофы были четко выявлены: психологическая и нравственная катастрофа у Достоевского, где Петербург функционирует как духовная тюрьма, и социально-политическая катастрофа у Салтыкова-Щедрина, где город Глупов является аллегорической тюрьмой разума. У Достоевского физическая теснота (дворы-колодцы, "шкафы"-каморки) прямо коррелирует с моральным давлением и отчуждением, провоцируя индивидуальный

экзистенциальный бунт и преступление. У Салтыкова-Щедрина же катастрофа коренится в хроническом застойном произволе и историческом абсурде власти, где коллективное отчуждение порождается механическим угнетением. В итоге, оба автора приходят к единому пророческому выводу: город в России XIX века был средой деформации, лишающей человека права на свободу и достоинство. Однако, если Достоевский призывает к внутреннему, религиозному очищению как к единственному пути спасения от города-греха, то Салтыков-Щедрин требует социального пробуждения и отказа от добровольного рабства перед абсурдом. Таким образом, их творчество, используя образ города как лакмусовую бумажку, представляет собой общую, но двуединую диагностику глубокого общественного кризиса, которая сохраняет свою актуальность и сегодня.

Список использованной литературы:

1. Достоевский, Ф. М. Преступление и наказание (Роман). Москва: АСТ, 2018.
2. Достоевский, Ф. М. Бедные люди (Роман). Санкт-Петербург: Азбука, 2019.
3. Салтыков-Щедрин, М. Е. История одного города. Москва: Художественная литература, 1989.
4. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. Москва: Советский писатель, 1972.
5. Лотман, Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. Тарту: Издательство ТГУ, 1984.
6. Туниманов, В. А. Творчество Салтыкова-Щедрина. Ленинград: Наука, 1985.
7. Белов, С. В. Роман Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание". Комментарий. Москва: Просвещение, 1985.
8. Николаев, Д. П. Сатира Салтыкова-Щедрина. Москва: Высшая школа, 1976.